Ася & Янис

Арома терапия

Я люблю тебя также сильно, как если бы ненавидела

18+

Ася Янис
Ароматерапия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63438132
SelfPub; 2020

Аннотация

Героиня произведения незаурядная личность. Девушка в раннем возрасте потеряла важную часть жизни, и, чтобы хоть как-то почувствовать себя счастливой, она хватается за незначительную, казалось бы, возможность – запах. Этот аромат незнакомого мужчины овладевает ею, и она отправляется на поиски загадочного незнакомца, не подозревая, что ее безумие обернется разгадкой самой страшной тайны из прошлого.

Содержание

Предисловие от автора: 5
Глава 1 6
Глава 2 7
Глава 3 10
Глава 4 14
Глава 5 18
Глава 6 28
Глава 7 42
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Ася Янис
Ароматерапия

Предисловие от автора:

Важно слушать своё сердце, оберегая его под натиском летящих сквернословящих стрел отовсюду. Они внушают отступиться от своих мечтаний. Не смей!Язык человека- орудие пыток многих умов и надежд, что изгоняет из нас мечты, подобно экзорцизму, нашёптывая ошибки чужих, обращённые на нас. Слушайте только своё сердце в момент удара, что бьёт в грудной каркас, подобно младенцу, стремящегося познать новый мир. Этот маленький ранимый инструмент засевшей внутри занозой владеет нашей жизнью. Благодаря этому незамедлительному перебою, воплощаются идеи, будто маленькая печатная машинка колотит и колотит по костям, передавая пульсирующий ритм в орган мысли. И эта ритмичная азбука в груди по тире и точкам вымучивает под диктовку сознание.

Я люблю тебя так же сильно, как если бы ненавидела!
Посвящается: Дмитрию Лямину.

ВНИМАНИЕ: Обращаюсь ко всем читателям данного произведения. Книга написана ломаным языком, что определённо отражает её стиль. Автор страдает генетическим нарушением письменной речи. От того сама история кажется невероятной, с ярким слогом.

Глава 1

Вскоре я забуду это день, как и многое из моей жизни, как сон, от которого просыпаешься в холодном поту и не можешь даже нащупать его след. Пытаешься напрячь сознание, но ничего не выходит, внутри лишь застывший страх, обуревавший грудь, словно глубоко во мне промчался ураган, спутав сознание. Но всё вспомнится, обязательно вспомнится! Как только из сна вырвется один из эпизодов, просочившись в реальность, и будет кружить возле меня, словно я гниющая плоть. Никто не знает, когда наступит этот момент, когда мы сольёмся воедино, и эта пустота, и этот вырванный отрывок возродит целостность, возведя меня из руин прошлого. В этот же день я пообещаю себе больше никогда и ничего не забывать, ценить и любить моменты: хорошие и плохие, ведь пережитое нами – это наш фундамент от которого крепнет наше будущее. Мы помним свои ошибки, плохие поступки и стараемся не повторять, избегая их. Но если их нет?! Ты сбит столку, словно слепой котёнок, ползёшь с закрытыми глазами наощупь, натыкаясь на всё и сразу.

Глава 2

Раннее утро, беспроглядное небо, сквозь которое пытается пробиться солнце. Воздух тяжеловат и влажен. Я просыпаюсь от шума за окном и, встав с кровати своей маленькой детской, смотрю в окно. Вокруг зазеленевшие кустарники и густо проросший ковер из свежей травы. Не было ни ветерка. Сквозь белую дымку воздуха толпы людей снуют туда-сюда, входя и выходя из нашей калитки. Они выходят из машин, выносят сумки, кто-то даже в спешке бежит, торопливо подскакивая. Я слышу звук разрывающихся сирен и разноцветные огни, словно новогодняя гирлянда мигает красным и синим цветом. Я вижу отца, он стоит на пороге нашего дома и, как обычно, непреклонен. Я решаюсь спуститься и узнать в чём дело, моя рука нащупывает гладкие перила лестницы и начинает свое скольжение вниз и прерывается у самого края. Мимо меня, не спеша и медленно, из-за угла, словно габаритная машина,сворачивают носилки, осторожничая с торчащей рукой из-под белого полотна. Она совсем бледная, неживая, пальцы скрюченные, и кажутся знакомыми, я хотела было последовать за этим зовущим интересом, но в этот момент меня кто-то хватает и уводит прочь, обратно вверх по лестнице, я не поднимаю лица на этого человека и лишь безотрывно следую взглядом за отдаляющимся белым саваном. Меня резко швыряют в комнату с розовыми

обоями, на которых изображаются пони,а я быстро устремляюсь обратно к окну, вскочив на прилегающую кушетку, что ниже подоконника, и, опустившись на колени, прижимаю ладошки к холодному стеклу. Белое тело, как огромный пломбир, закатывают в радужную рождественскую машину, громко хлопает дверца, и машина трогается. В комнату вошла прислуга.

– Дороти, ты почему еще расчесанная? -Она застыла в дверях, ухватившись за позолоченную ручку двери, словно без этой опоры она рухнет, лицо ее исказилось, подобно тем кривым рожицам, что отображают ложные зеркала в комнатах смеха.

Я повернулась молча на её голос и уставилась обратно в окно. Уловив мой безразличный взгляд, она скрылась за дверью. Понемногу шумиха во дворе стихала, машины разъезжались одна за другой. На крыльце всё еще стоял отец, подняв голову, он смотрел прямо на меня и курил. Я первый раз в жизни видела, как он курит. Дым голубоватыми петлями поднимался вверх, спокойно расползаясь в белой дымке воздуха, словно отец медитировал. Его взгляд, зловещий и пронзающий до глубины души, впивался в меня, словно во мне таился страшный грех. Мне стало жутко от такого острого взгляда, глубокого, проникновенного, и я отступила, не выдержав натиска. С тех пор мне не раз приходилось отстаивать его зрительные нападки, удерживать щит в ответ на его давление, уступать, сохраняя самообладание, поворачиваясь

спиной, отводить свои глаза в безопасное место, ища преткновения. К моменту моего взросления наша связь с ним окончательно разорвалась. Во мне было далёкое отчуждение, забытое чувство отцовской привязанности. В это утро мне ничего не рассказали о случившемся, скорее из-за того же случившегося. Моя каша за завтраком имела вкус горечи и печали, от этого я с усилием пропихивала ее в горло, глотая с трудом.

–Давай живей, – рявкнул отец, зайдя на кухню, и от его напряжения борода дрогнула, а густые брови сгустилисьнад обрамлением лица. Кухня моментально погасла в былых красках и стала серой и безрадостной. Даже цветастые занавески выглядели блёклыми и удручающими, словно всё разом накрыло теневая завеса его голоса.

Глава 3

В кабинете, куда меня привезли, было душно, и полости потолочного вентилятора быстро вращались, словно вблизи вот-вот приземлится вертолёт. Меня усадили на кушетку, и на край присел человек в белом халате, рядом стоял отец.

–А где мой брат, почему его нет, – спросила я тихим голосом, так как вся атмосфера меня немного сковывала.

Не то, чтобы мы с ним были близки, но он всегда был рядом. Иногда, чтобы заступиться, если дворовые мальчишки дразнили, а иногда, чтобы ещё пуще позлорадствовать.

Врач накрыл мою руку своей ладошкой. Она источала тепло, и мой взгляд опустился на наши скрепления рук.

–Он в порядке, Дороти, – подтвердил человек в белом халате спокойным тоном, не отпуская моей руки.

–Мама? -я посмотрела на отца, который тут же отвернулся, потом взглянула на сидящего человека передо мной, а тот перевел взгляд на отца, словно ждал одобрения. Я поймала их переглянувшиеся взгляды, чувствуя напряжённость момента. Человек в халате был сбит с толку и от незнания, куда двигаться дальше, замолчал. Отец кивнул, и доктор начал:

–Понимаешь, твоя мама…-он помедлил, – уехала.

–Уехала? – голос сорвался, от досады я поджала нижнюю губу, и она стала тоньше обычного, подбородок задрожал, я была готова разрыдаться.

–Да… далеко-далеко, – человек немного мялся, пытаясь тщательно подобрать слова. С этим«далеко-далеко» я резко выдернула свою руку из-под руки человека в халате, оскорблённая его правдой.

–Расскажи, какое твое самое яркое воспоминание с мамой? Закрой глаза и представь этот момент, -голос человека звучал успокаивающе, словно проникал в меня, гладя мое взволнованное сердце, которое начинало замедляться. По моей щеке невольно покатилась слеза.

Я закрыла глаза и слышала только голос человека, и шум вращающихся полостей вентилятора, что погружали меня в гипноз.

– Тепло, мне семь, и мы с мамой на маленькой лесной тропинке. Она учит меня кататься на велосипеде.

–Хорошо, что еще?

–Мы крепим на заднее колесо велосипеда трещотку, что смастерили вместе из бумаги.

–Ты счастлива?

–Очень, – я озарилась улыбкой и тут же смахнула капельку слезинки, которая достигла подбородка и стала пощипывать. Моё тело обмякло и провалилось в умиротворение, в голове тут же зазвучал треск велосипедной трещотки, сквозь спицы просачиваются лучи солнца, мама смеётся, хлопает в ладоши, и я отдаляюсь вглубь по тропинке всё дальше и дальше, выкрикивая: "у меня получилось". Трещотка на скорости усиливает свой звук, треск в ушах нарастает, и вскоре

сливается в один сплошной гул. Он так близко, словно у меня в голове вот-вот произойдёт взрыв. В сознании всё вразмутнеет, и я оказываюсь посреди огромного тёмного пятна и не могу ничего ощутить или нащупать, словно нахожусь в чужом, совершенно незнакомом мне месте, без какой-либо поддержки или ориентиров. Из памяти исчезает мои двенадцать лет.

Сквозь сновидения и чуть приоткрытые глаза я слышу шёпот и вижу расплывчатые силуэты. На меня смотрит человек в белом халате с какой-то настороженностью. В голове мелькают белые вспышки, я пытаюсь избавиться от них, встряхнуть образ мыслей, но они навязчиво лезут, наслаиваются друг на друга, их уже невозможно разобрать. Дом, улица, лестница, белый саван, праздничные гирлянды, пони, дым: всё слилось воедино и тут же пропало из памяти. Мы в тот день переехали, как мне сказали, и лишь остался взгляд отца, так как он не имел местадействия, он нёс какое- то дурное значение, которое зарождало опасения в сердце.

С тех пор я была рассеянна, чувствовала потерю и пустоту. Мой мозг, словно перемкнуло, и до какой-то части было не добраться, не доходили импульсы, и я не могла в полной мере ощутить себя. Иногда создавались искорки, но как только я пыталась прорваться дальше в воспоминаниях, в моей голове слышался проклятый звук велосипедной трещотки, и всё исчезало, подобно миражу. После возвращения брата из Штатов, спустя четыре года, нам сообщили о смерти

матери. До этого я её знала лишь по фотографиям и по рассказам от экономки, которые тут же пресекал отец, поскольку она не была удостоена чести носить звание "матери", бросившая своих детей. Все считали, что это из-за шока я позабыла маму, но отец заверил в скором моём восстановлении, и что время – самое лучшее лекарство. Пустоты в моей душе прибавлялось, и с каждым годом ее становилось больше. Она так же росла и развивалась, как неотъемлемая часть меня, и я чувствовала, как живу бесцельно, словно из под ног убрали опору, и я бултыхаюсь в невесомости, как узник на казни, пытающийся нащупать выступ.

Глава 4

День близился к обеду, и медлить со встречей было нельзя. Я надела плащ, расправила плечи, взяла зонтик на случай дождя и встала у зеркала, оглядеть свой внешний вид. Тяжело понравиться человеку, которому никогда не нравилась. Мой отец был довольно стар и неплохо выдержан жизнью военного. В своё время он мог заткнуть за пояс любого, стоило лишь насупиться ему. А сейчас что? Приезжая в отцовский дом, подле него трое мелких сорванцов, которых подарила жена брата, тем самым став ему роднее дочери. Ну, что сказать? Хорошая, молодая человеческая валюта всегда в приоритет старости. Да и, откровенно говоря, родной я ему никогда не значилась. Так эти молочные щенки, избалованные бездельем, резвятся в его дряхлости, растягивая ворох его бороды в разные стороны, науживая придуманные звёзды, отщипывая петлю за петлей тонкие нити старости, подобно кипу сладкой ваты. Другой раз наберут сухих палок, усядутся возле седого клубка и вяжут рубаху милосердия для его сердца. Он и не шелохнётся вовсе на их терзания, будто старый пёс, не в состоянии оскалиться, только водит белёсыми бровями в направлении их шалостей. Будь перед ним солдафон какой, он бы лихо отвесил ему словесной оплеухи. А эти неопытные щенки, то и дело растаскивают его на сотни нежных кусочков. Мне казалась, что в жизни только две

вещи способны сблизить человека- старость и неоговорённая любовь. А на деле выходило, что лишь кровоточащий орган в сокращениях скрашивает одиночество людей, извергая плод. Отвратительно.

С другой стороны, в защиту отца, могу сказать, что старость отличный шанс снова почувствовать себя молодым родителем. Я знаю, какого это, когда тебя любят, чувствуешь защищённость, ничего не хочется скрывать, и внутри спокойствие, даже мысли нет о предательстве. Только вот, когда в последний раз любовь присутствовала в моей жизни? Не знаю, откуда берутся секреты после. Я перестала общаться с отцом, когда мне исполнилось тринадцать, причину сейчас и не вспомню. С возрастом, скореевсего, появляются чужие секреты, но так или иначе связанные и со мной, и просто язык не поворачивался раскрыть чужую тайну при этом, не упомянув о себе. Так оно и выходит, что мы просто связываем свою жизнь с кем-то ещё, и, конечно, нам неохота предавать другого, при этом, не обманув родителей. Странно всё это, но в жизни приходиться убеждаться на собственном опыте, как одно вранье следует за другим по цепочке.

Ладно, пора идти! Всегда волнительно! Я принялась застёгивать пуговицы, аккуратно разглаживая оборку плаща. Одна из многих нашлась смелее остальных, не считая себя виновной, не желала лезть в петлю. Я злилась, она упиралась. Вдруг резко выскочила, упала на пол, ударилась и юркнула куда- то прочь, ускользнув от моего взгляда. Я завертелась

по сторонам, оглядывая грязный затоптанный пол осенней слякотью.

–Ну, где же ты? Этакая зараза!

Она всегда была упрямее других. Я, конечно, могла пойти и без неё, будь она первая по счёту, прикрывая оплошность шарфом, но эта упрямица выбрала самое почётное место посередине. И идти без неё довольно неопрятно.

Я встала на колени, умоляя её вылезти ко мне. И вот, где свет тускней обычного, маленькая пугливая пуговка забилась под шкаф прихожего угла. Она лежала и отдыхала от моих настырных усилий. Я улыбнулась быстрой находке и потянулась к ней. Навстречу ко мне потянулся незнакомый мужской запах. Я отклонилась. Нахмурилась в недоумении, не почудилось ли. Вскоре снова потянулась, и снова запах. Я встала, потормошила вешалку, нет ли на ней чего чужого. Среди двух кепок, пару платков и перчаток, что обнюхала я, не оказалась ничего схожего с ароматом. Я снова упала на колени и наклонилась еще ниже, подчиняясь искушению. Пошарив глубже в темноте, вытащила лоскут ткани и развернула его. Он был мятым и запачканным. Я поднесла его к лицу и вкусила чей-то плотский, насыщенный запах пота вперемешку с желанием, спелости сладкого нектара кожи, что тут же проник в меня. Я облизала губы от острого, ощутимого исступления, ударившего меня ниже пояса. Во мне насилием отозвалась порочная связь труда, масла грязных тел, словно этот край плоти принадлежал богу войны, возжелавшего

святую деву. Я так бы и осталась перед ним на коленях, повинуясь грехам, что очернили мою душу проклятием жажды похотливого борца в излишестве удовольствий. Я с натугой смогла соскрести себя с пола и подняться. Мой взгляд резко бросился на циферблат часов. Я опаздывала. Откинув клочок в сторону, ринулась бегом к трамвайной остановке.

Глава 5

Всё прошло, как и предполагалась. Ужасно. Я была не удел. Будь я мамаша, вымазанная в какой гадости, все восторженно бы восхищались, а так сплошные сочувствия по поводу возраста, отсутствия мужа, детей, самодостаточности и в дополнении- мой внешний неряшливый вид. Возвращаясь домой, я прихватила в местном баре бутылку красного вина. Оно всегда помогало пережить неудачи. Этакая чудная барышня в красном, с которой и поплакать не стыдно. Молодой сомелье был довольно мил и любезен, от этого я купила вино чуть дороже обычного. Мне не хотелось еще неодобрения и с его стороны. Выйдя из бара, я погрузилась в размышления. Мои обсуждаемые достижения и, правда, были малы. Подумаешь, квартира, работа на пару часов, трижды в неделю- и всё это в то время, когда мне уже тридцать. Почему женщине обязательно нужен муж, дети, когда успела единица так подскочить на рынке жизни, преумножая желания с помощью этих двух составляющих? Мне вот нравится читать лекции по ботанике, а искать стоящий заработок довольно тяжело. Да и зачем он мне нужен? Наша семья никогда не нуждалась в деньгах, а в мужьях тем более! Но поскольку мне перевалило за тридцать, мне просто необходимо было обзавестись мерой стыда, которая не позволяла брать деньги у отца, а отказывать себе в покупке дорогих вещей

я не могла, и изредка уповала на отцовское расположение и при удобном случае просила денег. Он всегда вздыхал так тяжело, меняясь в лице, а я притворялась,будто не замечаю его возмущения, и так наивно, словно маленькая девочка, демонстрировала непонимание, но это тоже не всегда срабатывало. Его строгий взгляд ставил меня в тёмный угол, в самую страшную часть души, давя своим гневом, что стыдно было глаза поднять, не то, чтобы открыть рот. Я не любила семейные посиделки, чувствовала себя чужой, но тешила себя надеждами о том, что сегодня отец более благосклонен ко мне и мне не придётся унижаться и выпрашивать у него денег, ведь средств к существованию мне не хватало. Мои надежды гасли с каждым годом, так как я давно уже повзрослела и должна сама себя обеспечивать или уповать на плечо мужа, которого не было.

Добравшись до дома, я открыла бутылку вина и плюхнулась на диван от бессилия. Стянув с себя туфли, почувствовала легкое освобождение. Проклятые лодочки держали мои ноги в напряжении, будто целый вечер я проходила под дулом пистолета.

–Боже!– Выпустила я воздух.

Я откинула голову на спинку дивана, уперев взгляд в потолок, приглаживая волосы руками, подобно гребню. Выпив бокал, поморщилась и взглянула на прихожую. Кажется, этот запах одолевал меня не один день, только сейчас он стал более навязчивым, до изнеможения. Быть может, если за-

крыть глаза, можно пересилить тишину вокруг, почувствовать свою мысль, переместить её в пункт возможного и всё время обтачивать, пока не случится срыв. Пока не придёт понимание, что мы поменялись местами. И теперь эта самая мысль думает обо мне. Что я слаба, а она настолько сильна, что моё желание находит один верный путь- действовать. С этими соображениями я прикрыла глаза, раздвинула слегка свои ноги, опустилась, соскользнув с подушки дивана, и принялась медленно ласкать себя пальцами, наслаждаясь истомой. Запах мужской плоти обволакивал мое сознание и приобретал различные очертания мужчин, то симпатичного водителя такси, то прохожего и даже того милого сомелье из бара, что невольно выбрался из-под корки и начал нависать надо мной своим телом, проникая внутрь меня и теперь волна удовольствия усилилась приливом возбуждения, и я участила движения. Я напрягла и свела ноги, сжимая бедра для более яркого оргазма. По мне промчалась дрожь наслаждения, и кончики пальцев на ногах онемели. Наконец, я расслабилась. Ноги ослабли, тело стало мягкое и отдохнувшее. Я не заметила, как задремала.

Проснувшись до полуночи, я поднялась с дивана, надела тапочки и спустилась вниз к комендантше, тётушке Золушки. Прозвали её так за скрупулёзность, и редко кто звал её Антониной Исааковной. Антонина являлась довольно крупной женщиной, ширококостной, в годах и, на мой взгляд, ей самое место работать вышибалой в каком-нибудь заведении,

причём в таком, где драки завсегда.

У стойки я поинтересовалась.

– Подскажите, вы знали того кто жил до меня в квартире?– во мне горела надежда найти прежнего хозяина. Шансов,конечно, было мало, что я отыщу нужного мне человека лишь по одному запаху.

–А тебе что за дело? – не отрываясь от своих забот, буркнула тётка.

Я решила схитрить, старые люди уж очень щепетильны к порядочности.

–Вещи остались, может ничего такого, бумаги и бумаги, но тем они и ценные, что чужие.

Я вытянула шею, с любопытством заглядывая через стойку.

–Может, есть карточка выписки?– произнесла я чуть ли не умоляющим голосом.

–Верно, говоришь! Ценные вещи надо возвращать!

Женщина натянула очки, облизала пальцы и принялась перебирать стопку картонных папок, что были всюду в маленькой тесной коморке, а она сама походила жадную купчиху, что неуклюже ворочала своими боками. Ее косившийся взгляд, полный сомнения, изредка переключался на меня. Может, её смутил мой запах алкоголя? Я отпрянула чуть назад, как бы уловив её вербальный посыл недовольства.

–Вот оно! -вытащила она нужный лист.

–Аркадий В.В

– А фамилии там нет?

–Ну, вот, что имеется, – женщина пожала плечами.

–Ладно, спасибо, – я грустно опустила глаза.

–Постой!– я поспешно вернулась.

–Ты ведь из двадцать второй?

Я кивнула в подтверждении.

– Значит, квартира принадлежала этому чудику, который всё опекал свои чертежи. Бегал с ними, как ошпаренный, и вечно бормотал себе под нос какую-то неразбериху, будто из ума выжил,– тётка помолчала, после добавила:

–На благо – его переезд, – и она отмахнулась, выдворяя из памяти остатки неприятных воспоминаний.

– А фамилия у него такая высокая, – женщина закатила глаза и мялась в сознании, выискивая нужное.

–Горный?

Я предложила первое, пришедшее на ум.

–Не-а!А, Вершилов! Аркадий Вершилов!

–А где мне его сейчас найти, знаете?

–Так он переехал вниз по улице, в большой красный дом. Он там живёт и работает. Поговаривают, домом этим дед его раньше владел, а до него прадед получил за какие-то там заслуги перед родиной. Небось, померли все. И распорядители сразу нашлись, -она ревностно проговорила, словно это ей должны были отписать дом. Ведь самой ей ничего не досталось ни от покойной матери, ни от сестры, которую хватил удар. С тех пор минуло, как лет пять, и всё нажитое отошло

государству, так как в свое время никто из них не позаботился о присвоении земли, всё на потом откладывали. Ладно, хоть, их сбережений хватило на покупку квартиры во, вполне себе, престижном районе, и одну из комнат она сдавала в сезон наплыва туристов.

–Работает? – переспросила я с интересом.

–Ой, этого я не скажу, больно мудрёный он.

–Хорошо, спасибо!– я удалилась второпях.

Тётушка надменно сквасила губы.

Дело оставалось за малым. Я набрала имя, фамилию в графу поиска, принялась всё читать про «высокого» человека. Там оказалось много подробностей, кроме тех, что интересовали меня. В основном, доктор психологических наук владел умом. Прием вёл ежедневно с десяти до шести. Он – почти, что современная мать Тереза воплоти. Только дороже в раскаяньях. Жаль, фотографии нет, но мне он, почему-то, представлялся высоким и солидным мужчиной в костюме, вдоволь надушенным и обожаемый всеми женщинами, но нудный и скучный. По факту, я ненамного ошиблась в размышлениях.

– Боже, с таким и в постели будет, о чём поговорить, – мелькнуло у меня в мыслях, и я ободряюще усмехнулась.

Я не жалую умных мужчин. Они то и дело ковыряются в женщинах, подобно во вкусном блюде, но с излишками к его вкусу. Долго присматриваются, взвешивают все качества, там и любви нет места, скорее здравомыслящий расчёт.

Я замахнула ещё бокал вина, как-бы приглушив своё воодушевление. После ещё бокал. Следующее, что я помню, как оказалась в компании соседок. Как вообще можно докатиться до такого состояния, в котором не пошутить по поводу своей личной жизни, и любое слово звучит, как упрёк самой себе. По крайней мере, среди них я чувствовала себя в своей тарелке, такие же никчёмные, изгои собственной жизни, борцы за выживание. Они каждый вечер обсуждали весь дом. Я и сама порой не прочь исправить чужую жизнь пьяным волокущим языком в сторону правильных дел. Тем не менее, я не считалась с мнением других, а вот с собой вела активный счет в разногласии поступков. И вот, три девицы, выказывающие абсолютное равнодушие к каждой, о чём-то болтали. В основном они насмехались над мужчинами. Бурно обсуждая их достоинства и недостатки. Соседка справа, то и дело, маячила мимо меня своим силуэтом, прикрытом одной лишь маечкой, которая то и дело скользила по ее груди внушительных размеров. При хихиканье бултыхалась в разные стороны. И, как только часть её выпадала, я выпячивала глаза в надежде, что в этот момент меня никто не видит. В голове моей было скорее недоумение мужского неведения о том, как это возможно? При такой огромной груди не замечать ее огромный нос. Левая же соседка поддакивала правой. Лиля, та, что с грудями, работала в табачной лавке среди дорогих сигар и всяких приспособлений, что напоминали скорее что-то интимное, хотя вот название " гильоти-

на" было из разряда пыток и, судя по выражению лица самой Лили, когда она шла на работу, название полностью оправдывало этот аксессуар. Слово "пробойник" звучало вообще пошловато, на мой взгляд, или, быть может, у меня был такой взгляд на вещи, не могу сказать точно. Лиля часто нам рассказывала о богатых клиентах и их чудных пристрастиях.Помню, однажды напившись, она рассказала о случае, что произошёл с ней на одной из вечеринок, где она в костюме Мальвины разносила на подносе сигары в элитном мужском клубе, и ее попросили взять в рот толстую сигару, да не одну, а сразу три, конечно, я тут же представила, как это выглядит со стороны, и мне стало жаль бедную Лилю, хотя опыт у неё в подобных ситуациях имелся, если вы понимаете, о чем я. Ну, а что она хотела? Специально ведь пошла работать туда, дабы выйти замуж за престижного мужчину, и поэтому выучила все сорта и марки табака, чтобы впечатлять своих претендентов на её сердце, но пока у нее выходило плохо. Это тоже самое, как если бы женщина разбиралась во всех тонкостях карбюратора и могла с закрытыми глазами перебрать коробку передач, тем самым утерев мазутный нос любому хорошему технику в сервисе, а еще отсосать бензин из бензобака через шлаг, в знак уж совсем своей профессиональности, как и Лиля, что прикуривала по три сигары за раз. От неё всегда выходили солидные мужчины, от них пахло табаком то со вкусом темного шоколада, то спелой вишни, или просто крепкой горечью, они проносились по нашему туск-

лому коридору, как по подиуму, и ещё ни один мужчина не задерживался дольше, чем на одну ночь.

Другая соседка просто восхищалась Лилией и пережитыми ей бедами. Про неё я знала лишь то, что она приехала из какого-то захолустья, мечтая увидеть красоту города, больше особо её ничего не интересовало. Я готова спорить, что именно такие тихони в разы выбиваются в люди, чем те, кто горбатятся всю свою жизнь, не покладая сил. Я вообще не встречала в нашем доме счастливых людей с хорошими историями, будто тут собрались одни жалкие дезертиры жизни, имея за спиной множествопричин, остаться именно здесь. Наше сборище разошлось по домам ближе к ночи. Моя голова шла кругом, перед глазами до сих пор вертелись груди Лили. Пошарив по шкафам, найдя плотные полиэтиленовые пакеты, я наполнила их углы водой, закрутив толстым, тугим узлом. Эти две висячие грозди стали напоминать подобие грудей. Я повесила их на видное место возле прихожей. Такая атрибутика позабавила меня. Возможно, даже сама соседка стала мне менее ненавистной. Такие посиделки мне обходились головной болью, в прямом смысле этого слова, и взамен их я предпочитала бары. Интересное общество, будто спиртное пробуждает некие способности и помогает каждому бороться с чем-то своим. С виду всё выглядит одинаково громко, но непременно найдется доброволец, кто будет публично смеяться, словно он смеётся перед лицом ужаса. Такой бесстрашный смех, хоть и малость придурковатый,

будто в нем отсутствует понимание, но зато он возносил его в глазах посетителей, и таких героев на неделе был не так уж и много, в основном все сидели, скучно погрузив свои головы в зыбучие мысли, от этого все они подпирали свои тяготы руками, приложив руки к подбородку. Одинокие бары это тоже подобие психоанализа, только рассказчик один, и слушатель и, как правило, оба после молчат.

–Вот видите, Аркадий Вершилов. У вас психология! У кого-то груди, а у меня шиш. Ну, не считая, конечно, отцовского обеспечения. Папенька-то у меня щедрый, особенно на брань, а уж потом и монеткой побалует, – я была изрядно пьяна, и мое тело качало по сторонам, словно я стояла на краю отвесной скалы, а в спину дул ветер. Я доковыляла до дивана, и рухнула лицом в подушку.

Глава 6

Собираясь на встречу к Вершилову, я думала, как должна выглядеть женщина, нуждающаяся в психологической помощи? Загнанной в угол и робкой, еле-еле мямлить от собственной ничтожности? Или же шикарно, как собирается в последний путь, надев самое лучшее, ведь никогда не знаешь, куда заведёт тебя очередной разговор. Так я и сделала, оделась стильно, сдержанно, изысканно, при этом перебрала всё же несколько вариантов. Чёрная юбка показалась мне слишком официальной и короткой, длинное платье в горошек, скорее для лёгкой кокетливой встречи. Я решила надеть бордовое платье с небольшим вырезом сбоку, внахлест с другой частью, что переходила в пояс по кругу талии и завязывалась сзади. От природы мне досталась стройность и худоба, поэтому укладывать на себе вещи, подходящие под стандарты, не составляло труда.

На часах было пять. Я была заранее записана. Еще утром, собираясь на обеденную лекцию в университет, позвонила и назначила встречу. Фамилию я решила не называть, да и особых данных не спрашивали, так как доктор занимался частной практикой. Поправив свои длинные каштановые волосы в свежей укладке, я накинула бежевый плащ и у зеркала ещё раз отмахнула их от спины и вышла.

Осень ударила в висок, ветер разметал волосы по ще-

кам, качнул край плаща и принялся резвиться с деревьями, под ноги покатилась желтеющая шелуха. Мой слух выхватил приятную мелодию саксофона, играющую неподалёку на площади, точно роняла слезинки, а большой фонтан подпевал им шелестом воды. Улица была усыпана блестящими фонарями, размытых в оранжевом цвете вечера. Навстречу мчалось множество незнакомых фигур. Они то и дело неслись вперед, выдыхая из своих паровых котлов тёплый воздух в осеннюю прохладу. Я терялась среди толпы людей, убывая вдаль. Опускавшийся дневной шар чертил на прохожих свои расходившиеся по сторонам томные лучи. К людям являлись навесы-тени, будто из прошлого, возникали вдруг из ниоткуда и переплетались между собой. Они держались за плечи, подобно двум влюблённым, удлинялись на тротуаре, торопясь быстрей, но не отпускали друг друга. Плещущий шум от колес машин по асфальту будоражил голубей с крыш, чёрная россыпь поднималась в небо и разлеталась на мельчайшие крупинки. Чугунные колеса трамваев сотрясали воздух. Бродячий кот, вымазанный в золе, сидел у остановки в углу. В своих пушистых доспехах, он начищал сжатые кулачища, готовясь к очередному сражению по завоеванию собственной чистоты. Его житейская натура служила захватчиком человеческих сердец. Я наклонилась и потрепала его за ухом, но он был занят, облизывая себя тщательно. Я села в трамвай, прижавшись к окну, и чуть задремала под монотонный грохот колёс. Я, будто легла на самое

дно, только там можно ощутить подобный холод. Внутри меня ускользали неоконченные мысли, оконные рисунки увлечённых пар, тусклые тротуары, витрины, разгорающиеся вывески ночных магазинчиков, дома, что меркли, и люди, спешившие укрыться от темноты, а после падения в глубокий сон уходило всё из памяти, будто и не было ничего, только холодные стёкла трамвая. Я очнулась от громкого голоса из динамика, что объявил нужную остановку. Быстро сориентировавшись по местному пейзажу, я вышла и уткнулась в большой, облупленный дом из красного кирпича, с черепичной крышей. Он стоял открыто перед лицом города. Чёрный забор из металлических прутьев разделял территорию между тротуаром и небольшим двориком дома. Отворив калитку, я поднялась по каменным плохо обтёсанным ступенькам. Немного помявшись в нерешительности, я постучала. Дверь открыла молодая девушка, стройная, худощавая, с мелкими чертами лица, в белой блузке, бледная на вид. Она приветливо улыбнулась, как-то неестественно растягивая свой рот.

В доме было много пустого пространства и свободного воздуха. Из приоткрытого окна сквозняком сочился запах затхлой воды и сырости, что обычно возникала в залитых углах дождем каменистого фундамента и не сходила долго из-за непроходимости туда солнечных лучей. Я задрала голову к потолку и медленно спускалась по стенам, огляделась, будто это было просветительское учреждение. Я заметила следы недавно стоящих тяжёлых предметов. Видимо, неко-

торый антиквариат покинул свои склепы, отправившись на аукцион для нуждающихся богатеев. Эти любители подлинности готовы и человеческие клетки раздербанить, доставая сочно отбитый кусок сердца из груди, дабы разглядеть в нём достоверность искренней любви. Ох, уж мне эти скупщики прекрасного, порой ни перед чем не остановятся. В одном из углов я наблюдала ужасающее зрелище. Стена была изъедена ненасытным огнём. Легковерно подчиняясь инстинкту поглотить самое ветхое место, он набросился неожиданно, властно пожирая всю сухость, пока влага, копившаяся внутри стены, не дала отпор, тем самым поубавив его горящий аппетит. Ещё немного и пришлось бы ходить по пепелищу, искать израненные вещи, спасать одноногие стулья, кушетки, кресла. Бежать за лекарем, брать в свои руки жестокие инструменты, не понимая то ли лечить, то ли добивать ветеранов борьбы. Некая разруха придавала очарование дому, я чувствовала себя свободно, словно под открытым небом.

Девушка проводила меня в кабинет, пообещав, что доктор скоро подойдет. Кабинет имел пустоватый вид. В нём стоял один стеллаж с редеющими книгами, массивный стол, позади вафельное окно, на полу красовался ковёр эпохи возрождения с неясным орнаментом. Меня привлекла старая печатная машинка на подоконнике. Конечно, доктор записывал свои мысли – подумалось мне. Я бы сказала, забивал их до смерти, судя по клавише буквы «Л», которая изнемогла. Она боролась с силой руки, что так настырно втоптала её основа-

ние внутрь. Наверное, не выдержав, она всё же успела выскочить на последнем издыхании и впиться ему прямо в палец. (Улыбнулась я своим мыслям). Он её так стукнул сердито, что надломил металлический стержень. Теперь она пряталась в железный ворот машинки. Почему «Л»? Любовь или ложь? Что пытался он вытащить из неё? Может, ей не хотелось допускать ошибку в строке жизни? Поэтому она погибла на дне жестяного колодца. Я наклонилась, хотела было ощутить знакомый запах, как вдруг дверь хлопнула. Я резко разогнулась и обернулась. В кабинет вошёл хорошо сложенный мужчина с опрятно стрижеными, короткими волосами, треугольными скулами, прямым носом и с выразительными голубыми глазами. Для подобного запаха он был уж слишком безупречен. Свеженький костюм сидел на нём, как влитой.

– Здравствуйте! У вас в записи указанно – Дороти, – он опустил глаза в журнал, задержавшись у двери. – Довольно редкое имя, – он нахмурился и поднял голову на меня.

Голос был монотонно-спокойным, без хрипоты и грубости, не те, что обычно звучали в гитарных барах, надрывая связки.

– В молодости мой папенька мечтал стать изобретателем. К сожалению, дальше моего имени так и не продвинулся. И да, это единственная моя особенность, в остальном, как у всех: фамилия, отчество.

Конечно, это было враньем, как и цель моего визита. Я ничего не знала о своем имени настолько, чтобы из него сло-

жился какой-то семейный рассказ, и я никогда не спрашивала о происхождении его возникновения.

Доктор вежливо улыбнулся и зашагал ко мне навстречу, отбросив журнал на стол, предприимчиво сунул руки в карман и остановился подле меня.

– Смотрю, вас заинтересовала машинка. Вы её так тщательно разглядывали. Что же в ней вас привлекло? – доктор держался смело и не боялся прямого зрительного контакта, в то время, как я прятала глаза, ища подходящее место примкнуть их.

– Мне нравятся старинные вещи, в них полно историй, а эта… – я провела по корпусу машинки, содрав тонкую кожицу пыли, и растерла её пальцами. –Уникальная вещь, уверена из-под неё выходили отличные идеи, обрисованные значительными мелочами, творя интересную композицию из слов, – я мечтательно озарилась улыбкой.

Мы оба были обращены к диковинке, завладевшей нашим вниманием. Из окна сочилось убывающее солнце, и поэтому мягкий свет вечера подсвечивал нам лица, освещая только их части.

– И какую же историю может рассказать вам эта рухлядь?

Я на миг шевельнула губами, в возможности припомнить из своего прошлого, но со сказанными его словами я всё позабыла, словно соскользнула с ледяной поверхности, потеряла опору и рухнула в пустое пространство и стала парить в невесомости. Дальше провал и звук разразившейся вело-

сипедной трещотки у меня в голове. Мое выражение сменилось на уныние.

– У всех одна история, история любви. У кого-то счастливая, у кого-то несчастная, – я отстранилась от машинки, словно теперь она ассоциировалась с чем-то плохим.

– А какая история ваша? – нетерпеливо поинтересовался доктор, важно поддёрнув подбородок.

Я заколебалась, потом беспечно взглянула на доктора.

– Скажите, что я должна делать?

– Ничего! Мы пока просто поговорим. Вы узнаете меня, я вас. Во вторую встречу уже обзаведёмся привычкой по расписанию.

– Звучит многообещающе, готова спорить, ваши красивые глаза являются одним из ваших трюков, каждый вечер таскать к себе в койку по девке, подобно спортивному снаряду. Откидываться назад в удовольствии и орудовать женской головой, будто наш рот – инструмент для ласк. Уж больно у вас взгляд призывный, берешь этим и сопротивляешься, – он, обескураженный, вытащил руки из карманов и невольно приспустил плечи, а брови, незаметно для него самого, вдруг поползли вверх.

Я приблизилась к нему в упор и на минуту затихла, затаив дыхание, вглядываясь в его глаза. (Капля чернил с лёгкой руки, чёрная, густая, от нее разливающийся янтарный цвет, дальше море бурлящее, кипит синевой.Туманная белая пелена стелется тонкими линиями, запутанная в остриях лед-

ников, кажется, сейчас всё обрушится, но дальше углубляется, затягивает для начала)

– Женщинам нравятся такие, как вы! – я отвела от него взгляд и отшагнула назад, вынырнув из падающего оконного света. – На самом деле, у половины ваших пациенток нет проблем, а вот денег полно и заняться им нечем. Вдобавок желание заполучить образованного доктора, обладающего притягательной внешностью и манерами аристократа, да еще к этому прочему, с таким потенциалом доверия, что просто грех не посягнуть на ваше сердце. Уверена, они готовы даже присягу принять, стоя на коленях, отстаивая вашу веру в них, – он сощурился на меня, и вырезы его глаз стали похожи на две лучины, а лицо выказывало самодовольный вид.

– В чём-то вы правы! – доктор изогнул бровь дугой, подчёркивая неожиданное, демонстративно прошёлся, обогнув стол, поддернул многозначительно рукава у пиджака и, оперев своё тело на край, продолжил:

– Хоть мой внешний вид и вызывает ваш импульсивный синдром, я не отношусь к такому роду мужчин. А вы довольно откровенны. Похвально!

– Я считаю глупо врать тому, кто хочет мне помочь! А вы, доктор, к каким мужчинам относитесь вы? – моё лицо озарило искреннее любопытство.

Он бросил на меня откровенный взгляд, не стесняясь того, что я вижу его заинтересованность во мне, как в женщи-

не, а не как к пациентке, что помогло окончательно убедиться мне в том, что я не ошиблась на его счёт.

– Я полагаю, вы здесь не за тем, чтобы обсуждать меня? – доктор сменил положение и перекрестил ноги.

– Откуда вам знать истинные намерения женщины? – я не хотела испытывать его взгляд, который врезался в меня всё больше, становясь каким-то плотоядным, поэтому я отреагировала непричастно и рассеянно перебирала литературные названия на полках.

– У вас тут довольно мило, только вот ваш цветок…

– А что с ним?

Доктор резко взглянул на растение, ёжившееся в тесном месте на полке.

– Ему не хватает света. Ваша помощница явно его заливаетчаще, чем надо, видимо, чтобы совсем не забыть о поливке.

– А вы, значит, знаток в растениях? – доктор смотрел на меня испытывающе.

– Есть немного.

–Так что вас привело сюда?

– Воображение.

– И часто у вас так?

Я ответила не сразу. Немного улыбнулась, встревожила свои волосы у затылка, тонкими пальцами протащив их задумчиво по всей длине, словно я вдруг воспарила в облака, и сменив образ на невинный, легко поддалась какой-то игре.

– Вообще, лучше не говорить о том, что думается.

– Отчего вам так кажется? Буквально минуту назад вы распылялись в откровениях.

– Ну, так-то касалась вас, не меня! Стоит мысль вытащить наружу из себя, как она лишается покоя. Теряет свои свойства, плюхается в маленькой заводе реальности, беспомощная, жалкая, и ты смотришь на неё, лишённую перспектив и всяческих надежд, но стоит ее поместить обратно в привычную среду, как озарение, цепочка взаимодействий, искорки следующего и предыдущего воплотятся в потрясающее событие.

Я воодушевлённо вдохнула и медленно выдохнула, словно разгрузила свою грудь от всех тягостей.

– Знаю, говорю много глупостей порой, но исключительно от смятения с мужчинами. Ваш пол и подобные вам находят меня забавной дурнушкой. Я подумала, может, я больна?

– Вот и долгожданная суть, – глухо произнёс он. – А вы больны? – Он проговорил это с манерой превосходства перед обессиленными женщинами.

– Наверное, не могу дать однозначный ответ, больше переживаний, нежели осознания происходящего.

– Так, хорошо! По порядку. Значит, вы считаете себя дурной? – Доктор выпрямился во весь рост, дабы размять тело.

– Ну, не я, прямо я, а те, с кем приходиться говорить.

– Пожалуй, я с вами уже готов согласиться, – иронично подметил доктор, потупив взгляд в сторону, будто говорил

сам с собой. – Но давайте серьёзнее!

Мне показалось, он уже готов уличить меня в обмане. Я занервничала. Моя кожа на груди покраснела от частых волнительных переживаний. Всплески эмоций бросили мое тело в пекло, и оно покрылось испариной, а платье стало причинять дискомфорт.

– Послушайте, если бы каждая приходила сюда и говорила, что она дура, я давно бы сколотил состояние на женщинах. Вы явно обеспокоены чем-то, и вдобавок вы стараетесь держаться уверенно, но вот ваши жесты говорят о том, что вы нерешительны и у вас нет мужчины, хотя вы очень красивая женщина, -доктор снисходительно улыбнулся.

– Красивая женщина?! – усмехнулась я, услышав подобное.

– Что вас так позабавило? – он насупился, и его губы чуть вытянулись, словно он собирался присвистнуть.

– Вы сказали: «красивая женщина». Быть красивой – довольно распространённый лживый признак, от незнания того, как мужчина ещё может угодить женщине, но более личностно, что действительно её бы обрадовало. Я, вообще, не понимаю, почему мужчины так говорят, полагая тем самым осчастливить нас?! Ведь ни одна женщина не считает себя таковой. Найдутся многие приверженцы иного вкуса. А есть абсолютные слепцы, кто не видит истинные различия образа. Без манер кидаются растерзать лицо руками, как кусок мяса, смазывая очертания своими отвратительными ручи-

щами, пропитанными плотским жиром.Способных осталось очень мало, – выдала я на одном дыхании, будто зачитала отрывок из полюбившегося произведения.

Доктор в сомнениях щурил на меня свой интеллектуальный взгляд. От желания скорее всё прояснить.

– Знаете, – он медленно стал надвигался на меня. – Обычно, женские проблемы более бесхитростные, – он прожестикулировал взмахом руки в воздухе для более утверждающего объяснения. – Они в основном жалуются на любовников, непонимание, жадных мужчин, предательств, диеты и множество слезливых историй, но вот вы…

От замешательства к его подводящему итогу я дернула голову в сторону, словно где-то далеко мне мерещился шум.

Доктор подошёл ко мне мягкой поступью и замер за моей спиной. Его лёгкое дыхание качнуло мои волосы, овеяло щеку, ухо, словно совсем рядом промчался нежный ветерок. После, уперев свой указательный палец между ключиц, стал медленно спускать его вниз. Мое тело чуть задрожало, а в паху заныла истома, нарастая по мере опускания его пальца вниз. Я сглотнула скопившуюся слюну во рту, и как мне показалось, очень громко. Доктор достиг линии бедра, указав на очевидный разрез сбоку, и остановился. От него пахло морским бризом, как если бы он только что искупался, и солнце жгло его кожу, испаряя капли воды с поверхности, истончая аромат всех этих мокрых кораллов, камушек, ракушек всей глубины моря.

– Вот здесь!

– Я не совсем понимаю, доктор! – Я нахмурилась в недоумении, развернув свой профиль к нему.

– Ну, так это и логично. Вы же признались мне, что дура. Забыли?

– Верно, – произнесла я нетвёрдо с обиженным выражением на лице.

Он обошёл меня, встав передо мной.

– Вы не похожи на обычных девушек, что приходят сюда с жалобами, так зачем вы здесь?

– Я не произвожу впечатления больной? – моё лицо расправилось вниманием.

– Поверьте, впечатление вы уже произвели.

С его лица не сходила придурковатая улыбка. Он разглядывал меня оценивающе.

– Опишите мне ваши ощущения на мои прикосновения?

Я задумалась в размышлениях, тяжело вдохнула, отвела взгляд, ища ответы в витающей атмосфере.

– Прошу вас, это принципиальный момент!

– Чувствовала, что мы можем стать ближе с вами. Пахнуть стали одинаково, в момент воссоединения мы напитались друг другом. Печаль уходящих ваших рук, словно из памяти навсегда. Мы… – я мялась, – могли бы любить!

Доктор беспокойно вздохнул, словно случилась беда.

– Вы правы! Вы говорите много глупостей!

– Ну, если правду можно считать глупостью, то да! Воз-

можно, правы не только я и вы, но и все, с кем мне приходиться общаться. Безнадёжно, доктор, понимаю! Пожалуй, я пойду! Выпишите мне счет!

Доктор еще какое время медлил, уставившись на меня как на нерешённую задачу, потом шелохнулся в сторону записной книжки, черкнул в ней пару строк, при этом безотрывно смотрел на меня, после протянул итог.

Я взглянула, игриво сжала плечо.

– Дурам надо предлагать более демократичные цены!

И я быстрым шагом устремилась за дверь, оставляя свое первое психологическое дефиле с незнанием того, что делать дальше.

Глава 7

К концу недели мы встретились снова в шесть часов. Мне показалась, что между нами возникла платоническая любовь, и я решила довериться – опрометчиво, словно глупая девочка, очаровавшись впервые мужчиной. Я была подавленной, может от длинных мыслей, что было больше обычного или мне хотелось заполнить ту пустоту, что время от времени давала о себе знать, и тогда я могла долго говорить, выражая лихорадочно эмоции. К примеру, когда я выходила из ванной, потом из дома на прогулку, я мало о чём думала, а тут после сверхурочных лекций, невкусного ужина и скучной беседы в перерывах занятий, мне стало дико уныло, и я, словно опьяневшая от изнеможения, выплёскивала непонимание к этому миру. В голове всё крутилось необъяснимое влечение к запаху, будто кто-то потешался надо мной, подкинув это лоскут ткани. Иногда такие вещи происходят неслучайно, ты задумываешься о их значении лишь во второй или в третий раз, некое чередование, повторяющаяся цикличность, и вот уже вынужденная мысль. Как споткнуться дважды о камень и только потом сообразить поднять его и разглядеть. Так вот, не все способны разгадать предзнаменование и в один прекрасный день решиться следовать за ним, не потому что любопытно, а потому что это так часто всплывает на поверхность в сознании, что по-другому никак

от них не спастись, а может я настолько была потерянной, что запах был единственным способом пробудить себя. Вот и он, словно камушек, который надо поднять, разгадать, что ведёт к смысловому завершению. Самое страшное, что может случиться в итоге, так это осознание того, что камень – всего лишь камень и не более того, а ты ломаешь голову, потому что ты сам в нём увидел нечто иное.

– Вот, скажите, доктор, когда человек теряет кого-то, он возвращается в начало? Думает, вспоминает какую-то важную деталь, которая понравилась в этом человеке. Это странно скучать по тому, кого и не знал, вроде мимо прошел, а вроде так рядом, что хватило одного дуновения ветра, чтобы почувствовать запах и уже успеть испытать боль разлуки от того, кто покинул или же и не был вовсе. Такое странное послевкусие события, коснувшееся краешком. Я убеждена в одном, люди, которые расстаются, становятся ближе друг другу. Они вскарабкиваются на гору одиночества и понимают всё то, что до этого понять не могли. Мужчины сразу помнят, какие цветы любит их женщина, а женщины будут помнить любимое блюдо мужчины. Все эти социальные отпечатки вызывают у меня приступ дезориентации, от этого я теряю свое личное понимание к этому миру. Вот, например, ужиная, я хочу одно блюдо, но настырный официант советует другое так доверительно, что я задумываюсь, а не ошиблась ли я с выбором. Я соглашаюсь с ним, но мне становится отвратно от того, что моё желание зависит от чужого слова, и

это так странно, и так по цепочке, от одного человека к другому, кажется, что моих собственных мыслей и не осталось вовсе, только "доброе утро" и "здравствуйте", а весь промежуток заполнен всем чужим мне. Например, продавец фруктовой лавки говорит о сезоне урожая, и я невольно начинаю думать о его словах, ища в сознании ассоциации. А ведь бывает так, что приходиться вообще уступать людям, в очередях, где женщина выглядит дороже и вызывающе, подчёркивая свой статус в обществе, и как бы своим роскошным видом принижает остальных. Я ничуть не хуже ее, просто скромнее. Социальное неравенство оказывается бедой для человечества, – я лежала на кушетке в полусогнутом состоянии и смотрела на серый потолок в тёмных пятнах от сырости. Из меня выливались различные мысли без перебоя, будто я болтала о каких-то пустяках. Потом добавила: – Глупости опять?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.